

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

PAGES OF HISTORY

Развитие территорий. 2023. № 2. С. 48—54.
Territory Development. 2023;(2):48—54.

Страницы истории

Научная статья
УДК: 94(470)«1881»82—94(0.032)
DOI: 10.32324/2412-8945-2023-2-48-54

У БАТРАКСКОГО ПЕРЕВОЗА. ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ КОНТОРА В АВГУСТЕ — СЕНТЯБРЕ 1881 Г.

Инна Евгеньевна Барыкина^{1,2}

¹ Выборгский филиал Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Выборг, Российская Федерация, ibarykina@mail.ru

² Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. В Российской империи во второй половине XIX в. освоение территорий (внутренняя колонизация) происходило в ходе стихийных переселений в поисках свободных земель. Причиной было малоземелье в центральных регионах. Правительство пыталось взять под свой контроль этот процесс. Одной из таких попыток стало учреждение переселенческой конторы в августе 1881 г. Возможности этого учреждения не совпадали с масштабом поставленной задачи. Тем не менее деятельность переселенческой конторы продемонстрировала остроту одного из ключевых вопросов внутренней политики империи и необходимость его разрешения.

Ключевые слова: Российская империя, переселенческая политика, переселенческая контора, самодержавие, бюрократия, реформы

Для цитирования: Барыкина И. Е. У Батрацкого перевоза. Переселенческая контора в августе — сентябре 1881 г. // Развитие территорий. 2023. № 2. С. 48—54. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-2-48-54.

Pages of history

Original article

AT THE FERRIAGE BATRAKSKY. A RELOCATION OFFICE IN AUGUST — SEPTEMBER 1881

Inna E. Barykina^{1,2}

¹ Vyborg Branch of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Vyborg, Russian Federation, ibarykina@mail.ru

² Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. In the Russian Empire in the second half of the 19th century the development of territories (internal colonization) took place in the course of spontaneous relocations in search of free land. The reason was the scarcity of land in the central regions. The government tried to put this process under its control. One such attempt was the establishment of the Resettlement Office in August 1881. Nevertheless, the activities of the Resettlement Office demonstrated the urgency of one of the key issues of the empire's domestic policy and the need to resolve it.

Keywords: Russian Empire, relocation policy, Relocation Office, autocracy, notes, bureaucracy, reforms

For citation: Barykina I.E. At the ferriage Batrasky. A Relocation Office in August — September 1881. *Territory Development*. 2023;(2):48—54. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2023-2-48-54.

2 августа 1881 г. в селе Батраки недалеко от Сызрани открылась переселенческая контора. Место было выбрано не случайно: здесь находилась перевоз через Волгу, которым пользовались переселенцы, шедшие из всех уголков европейской части России на восток в поисках лучшей

жизни, которую они связывали с получением новых участков земли. Правительство пыталось контролировать этот процесс и управлять им. История переселенческой конторы, появившейся в первый год царствования Александра III, демонстрирует попытки власти регламентировать переселенческое движение.

Впервые переселенческий вопрос был отчетливо сформулирован в правительственной повестке в царствование Александра II, когда подходил к концу девятилетний запрет на отказ от своего надела вышедших на волю крестьян, действовавший с 1861 г. «По наследству» этот вопрос перешел к Александру III. В начале его царствования предполагалось, что окончательное разрешение переселенческого вопроса произойдет в ходе второй «сессии» совещания «сведущих людей», созданного по инициативе министра внутренних дел Н. П. Игнатьева 24 сентября 1881 г. Сменив на этом посту М. Т. Лорис-Меликова, потерпевшего в марте 1881 г. неудачу с проектом создания центрального представительного учреждения, Игнатьев предложил Александру III по сути подобную меру — приглашение экспертов для разработки законопроектов по насущным вопросам. Император, отклонивший проект Лорис-Меликова по политическим соображениям, увидел в предложении Игнатьева практическую сторону: экспертную оценку сложных внутривластных проблем. С согласия монарха первая «сессия» приглашенных экспертов в июне 1881 г. разработала «способы» и «размеры» понижения выкупных платежей, вторая — осенью 1881 г. занималась питейным вопросом, а весной 1882 г. — переселенческим. В течение второй «сессии» и должна была действовать переселенческая контора на Волге. По подсчетам чиновников, через Батраки проходило самое большое количество переселенцев в поисках лучших земель на востоке страны [1].

По замыслу правительства, с проблемами переселения, которые не были решены в предшествующее царствование, должны были успешно справиться четыре сотрудника Батрацкой переселенческой конторы: два представителя местного самоуправления — Сызранского земства (А. И. Цымбалин) и Самарского земства (Н. П. Яровой) и два чиновника — от Министерства внутренних дел (И. И. Толстой) и Министерства государственных имуществ (Ф. А. Ройев). Министерство внутренних дел телеграммой известило самарского и сызранского губернаторов об открытии 9 августа в селе Батраки переселенческой конторы. В свою очередь губернаторы поставили в известность земские губернские управы, предлагая им направить в состав конторы по одному представителю [2]. Земские деятели, которым казалось «немыслимым, чтобы члены земства участвовали без жалования», сразу задали вопрос: «Кто за все платит?». Они хоть и разделяли представление местных жителей о необходимости учреждения переселенческой конторы, все же сетовали на то, что должны выполнять работу, которая не оплачивалась (министерства не собирались платить земцам жалование, а сызранское и самарское земства были «не настолько заинтересованы в вопросе, чтоб тратить земские деньги на дело переселения»), поэтому без особого воодушевления отнеслись к возложенному на них поручению, полагая, что будут играть пассивную роль, «выезжая» на командированных чиновниках [2, л. 11]. Что

касается двух петербургских чиновников, то их отношение к правительственному поручению разнилось: сказывалась большая разница в возрасте — Ройев в два раза старше Толстого, у него было больше житейского и бюрократического опыта, чем у выпускника юридического факультета Петербургского университета. Но И. И. Толстой направил в Сызрань сам министр внутренних дел Н. П. Игнатьев, оценивший аналитический ум и нравственные качества молодого чиновника, выделявшего честностью, порядочностью и чувством собственного достоинства*. Уже оказавшись в Сызрани, чиновники пришли к разным выводам. И. И. Толстой полагал, что «мы слишком поздно приехали и просто задаром», «если дело неважное, то нечего тратить казенных денег на него и сберечь их для важного» [2, л. 16], «если думаешь про себя, что лишний, лучше прямо сознаться, а не стараться во что бы то ни стало отличиться и заслужить благодарность» [3, л. 16 об.]. Ройев подходил к поручению как практик, возражая Толстому, «что дела всегда достаточно найдется, что так как приказано основать контору в Батраках, то и следует основать даже если б и не было дела или его было мало» [2, л. 16].

Толстой отправился на службу в Сызрань из Петербурга, а по дороге должен был встретиться с Ройевым, ехавшим из Москвы.

Прибыв в Сызрань 8 сентября, И. И. Толстой снял лучший номер в гостинице (в номерах Сысуева) — за 2 р. 50 к. «средней величины комнаты, не особенно чистую, но, как оказалось после, без клопов» [2, л. 4] — и стал ожидать приезда Ройева, от которого не было никаких вестей. Согласно Своду уставов о паспортах и беглых, хозяева гостиниц обязаны были отмечать паспорта постояльцев в полиции, поэтому половой сразу потребовал от нового постояльца «вида» — документа, удостоверявшего личность и право на передвижение. Таким документом в данном случае было командировочное свидетельство. На другой день после передачи «вида» в полицию в гостиницу к Толстому прибыли исправник и полицеймейстер, которых губернатор обязал оказывать содействие Конторе. А через день Толстому с той же целью нанес официальный визит исправляющий должность самарского исправника.

Несколько дней от чиновника Министерства государственных имуществ не было никаких известий, и Толстой, чтобы скоротать время и осмыслить происходящее (исчезновение будущего сослуживца, опытного чиновника, его очень тревожило) стал вести дневниковые записи [2]. Справиться с непростой ситуацией Ивану Ивановичу помогало ироничное отношение к происходящему, он с насмешкой описывал и свое положение,

* И. И. Толстой был сыном министра почт и телеграфа И. М. Толстого, получившего в царствование Александра II не только этот пост, но и графский титул. Иван Иванович Толстой был близко знаком с императорской фамилией, в детстве проводил время с сыновьями Александра II, в дальнейшем пользовался поддержкой великого князя Владимира Александровича.

и окружающих. Это качество Толстого отмечали его родные и знакомые. В Сызрани перед ним раскрылись все недостатки российской бюрократической системы, описанной Н. В. Гоголем в «Ревизоре» и не претерпевшей изменений с того времени. Несмотря на близость к императорской фамилии и материальное благополучие, Толстой сформировался как человек широких передовых взглядов. Он остро переживал столкновение с несправедливостью и невежеством, бюрократическим цинизмом и чиновничьим произволом. Ирония, а иногда и сарказм, скрашивали остроту восприятия.

Ф. А. Ройев приехал в Сызрань только через три дня — ночью 12 августа. До этого времени И. И. Толстой был предоставлен самому себе. Он не мог открыть переселенческую контору, не дождавшись второго чиновника, поэтому в течение трех дней знакомился с прелестями провинциальной жизни, местными жителями и земцами, поведавшими ему о реалиях переселенческого движения.

В той же гостинице остановился и представитель самарского земства Н. П. Яровой, который утром 9 августа пришел в номер к Толстому, чтобы познакомиться с чиновником МВД. Уже вслед за ним прибыли исправник и полицеймейстер. Узнав, что открытие конторы откладывается до прибытия Ройева, они сразу же назвали все недостатки правительственного мероприятия. Во-первых, было упущено время, так как основная масса переселенцев прошла через перевоз в мае и июне. Во-вторых, создание переселенческой конторы в Батраках было нецелесообразным, поскольку «помимо того, что там не найти помещения под контору, сборным пунктом для переселенцев служат не Батраки, а Сызрань, через которую все неминуемо проходят и где значительная часть продает своих лошадей и скот и следует далее по железной дороге, другая часть действительно направляются на Батракский перевоз» [2, л. 5 об.]. Эти настроения разделял и представитель сызранского земства А. И. Цимбалин.

После приезда Ройева в Сызрань 12 августа все сотрудники переселенческой конторы отправились в Батраки искать помещение, в котором могло бы расположиться это учреждение. Предупреждение сызранских блюстителей порядка и опасения земцев оправдались. «Долго выбирали, но наконец остановились на довольно большой избе за 15 р. в месяц на три месяца» [2, л. 16 об.]. Помещение, в котором нужно было не только работать, но и жить, оказалось маленьким и неудобным: сотрудники конторы должны были делить его с хозяевами. Поэтому, несмотря на приобретенную в Сызрани домашнюю утварь, Ройев, как старший, решил не переезжать в Батраки под благоприятным предлогом: из столицы не прибыл копировальный пресс, заказанный на заводе Сан-Галли (его привезли только 22 августа). Как метко заметил И. И. Толстой, Ройеву «просто не хочется жить в клоповнике, и он отдалает по возможности приятный момент» [2, л. 19 об.]. Это нежелание разделяли и остальные. Позже они решили «учредить в Батраках только дежур-

ство поочередно одного из членов, а Контору оставить в Сызрани» [2, л. 23]. Для канцелярии конторы 26 сентября было снято помещение в номерах Кормана (№ 9) за плату 1 р. 25 к. в сутки, а с 7 ноября нанята квартира из трех жилых комнат и особого помещения для смотрителя в доме агронома Николая Ивановича Гейнрихсона за 17 р. 50 коп. в месяц [3, лл. 20—20 об.].

13 августа сотрудники занимались покупкой домашних мелочей, причем потратили на это казенные деньги, поскольку «справедливость требует, чтобы казна заплатила за вещи первой необходимости, когда она посылает чиновников в полудикие страны» [2, л. 17 об.]. Ройев настоял, чтобы все финансовые дела конторы вел Толстой. Несмотря на свою молодость, Иван Иванович был человек рассудительным и практичным. Рано оставшись без родителей, он привык считать деньги и педантично относился к финансовым вопросам. Толстой открыл в сызранском отделении Волжско-Камского банка счет переселенческой конторы и вел приходно-расходную книгу, копию которой сохранил (и которая отложилась в архивном деле в Отделе рукописей РНБ) [3].

14 и 15 августа чиновники писали рапорты своим министрам. У них уже была информация для отчета. Во время поездки в Батраки, «во время пребывания в избе поймали первого переселенца». И. И. Толстой записал в дневнике: «При обхождении села мы опрашивали крестьян, много ли видали переселенцев, каковы они и т. п. Говорят, прошло через перевоз 4000 (перевозчик сам записывал) подвод. Я спросил, можно ли считать средним числом 5 человек на подводу; сказали, что смело можно, так как ни на одной подводе меньше 3х человек не бывает, а часто их до 9^{ти} чел. на подводу. Говорят, что народ все богатый (у иного привязано к телеге 5,6 лошадей) и трезвый, за все платит наличными деньгами; водки совсем не пьют и в кабаки не заходят» [2, лл. 17—17 об.]. Ройев и Толстой по-разному оценивали целесообразность учреждения переселенческой конторы. Если Ройев был «в восхищении от рапортов — мы де новаторы, на нас будут указывать как на пример гражданской доблести и т. п.», то Толстой написал Д. И. Воейкову, правителю Канцелярии Министерства внутренних дел, «что наше торчание здесь, как кажется пока, пустой де извод казенных денег» [2, лл. 21—21 об.].

Как опытный бюрократ, Ройев занялся в первую очередь бумаготворчеством. Как саркастически заметил Толстой, в копировальном прессе Ройев «видел спасение России». Меньше чем за неделю переселенческая контора выпустила пятьдесят исходящих писем. А 22 августа И. И. Толстой отметил в записках: «Беда с Ройевым! Пишет напропалую отношения и распоряжения. Ему страшно нравится роль начальства.

А то, что Контора выпустила 150 исходящих за 2 недели, радует его, как ребенка. И этот человек возмущается чиновничеством!» [2, л. 26 об.].

На следующий день Толстой оставил еще одну запись по тому же поводу: «Для писания бумаг

потребовался уже второй писарь, который взял гектографировать 50 отношений с чем-то. Ройев в восторге» [2, л. 27 об.].

Правительственные верхи всеми силами старались сдерживать переселенческое движение. Власть опасалась распространения идеи дарового наделения крестьян землей, поэтому в правительственном сообщении об открытии переселенческой конторы говорилось: «Отстраняя, по возможности, нерасчетливое стремление к переселениям, правительство ставит себе задачею — допускать переселения лишь в случаях крайней, ничем неустраняемой в том нужды, предоставляя передвижение переселенцев преимущественно их собственным силам, но облегчая им приискание свободных земель и помогая в разных непредвиденных невзгодах, встречаемых ими на пути своего следования» [4, с. 1]. Поэтому Толстому приходилось исправлять неточности, допущенные Ройевым в циркуляре уездным исправникам, например заменить фразу «Цель Конторы оказывать материальную помощь переселенцам во время их движения» на слова правительственного сообщения: «Контора помогает переселенцам в непредвиденных невзгодах» и прибавить: «Контора никоим образом не имеет в виду поощрять переселения» [2, л. 27].

Кроме того, Толстой решил проконсультироваться по поводу содержания циркуляра в Министерстве внутренних дел и 12 августа написал Воейкову: «Прилагаемый циркуляр предполагается разослать 140 уездным исправникам. Вследствие или прирожденной нерешительности или вследствие неопытности, я не решаюсь подписать этой бумаги без специального на то разрешения графа Николая Павловича. Комментировать документ мне кажется излишним, так как мотивы и цель его достаточно выяснены в нем самом. Моя подпись для его действительности смотря по обстоятельствам может быть необходима или совершенно не нужна. Так как циркуляр предположен к рассылке на днях, то не откажите в интересах дела телеграфировать Ваш ответ в том или другом смысле» [5, л. 5].

Толстой не собирался внушать переселенцам ложных надежд и старался всеми силами «умерять поэтический пыл Ройева», который «всем встречным и поперечным мужикам рассказывал, что мы де присланы Царем доставлять такие земли, каких хороших никто не видал, переселенцам и чтобы они говорили всем встречным, что открыта де Контора в Сызрани, которая всем денег даст и т. п. Я, чтоб уменьшить впечатление его рассказов, должен был подтрунивать над ним, спрашивая, хорош ли сбыт продуктов на новых местах, станем ли мы помогать людям, имеющим сотни в карманах и т. п.» [2, л. 26—26 об.].

В инструкции переселенческой конторы было сказано, что сотрудники должны регистрировать переселенцев и собирать о них сведения: «из какой губернии, уезда и селения они идут, что везут с собою (разумея имущество чисто хозяйственное и средства к передвижению), есть ли между ними мастеровые, как-то: кузнецы, бондари, плотники

и иные, какой характер местности, где они прежде жили (лесной или степной), какой род хозяйства велся ими на родине, что побудило их переселиться, каким наделом пользовались и какая часть сельского общества переселяется, имеют ли они определенное сведение о том, куда идут, не посылали ли родные ходоков и не подготовили ли покупку или аренду земли, в какое время надеются достигнуть места назначения, не придется ли зимовать дорогой, из скольких душ состоит каждая партия переселенцев (мужчин и женщин особо), какого пути держатся к месту поселения, в каком, по-видимому, находятся состоянии переселенцы в отношении здоровья и средств к прокормлению» [6].

На основании инструкции были отпечатаны анкеты для переселенцев, которые заполняли сотрудники конторы [7]. Переселенцы шли из черномозных губерний: Курской, Черниговской, Полтавской, Тамбовской, Рязанской и Воронежской, Самарской, указывая в анкетах в качестве причины малоземелье. Среди переселенцев встречались латыши и эстонцы. Социальный состав был разнообразен: крестьяне, мещане, казаки, отставные солдаты. В качестве конечного пункта переселенцы называли Восточную и Южную Сибирь. Поначалу часть из них возвращалась обратно, но постепенно число вернувшихся уменьшилось. Возможно, потому, что они уходили все дальше и дальше от Волги, в основном оседая в Томской губернии.

Переселенческая контора также должна была знакомить переселенцев с правилами о переселении, выдавая им на основании заявления печатные экземпляры.

Сотрудники переселенческой конторы должны были содействовать перемещению нуждающихся переселенцев по железной дороге или водным путем. И. И. Толстой направил в Управление Оренбургской железной дороги официальный запрос о том, по какой таксе перевозится имущество переселенцев, их повозки и лошади: по обычной или пониженной? (Ранее Управление извещало контору, что сами переселенцы покупают билеты по низкой цене.) И «не найдет ли возможности Управление дороги в будущем году понизить эту таксу» («как это предполагает сделать Управление Сызранско-Моршанской дороги») [8, л. 1]. Чтобы добиться этого, в октябре Ф. А. Ройеву пришлось совершить поездку в Моршанск и Пензу по приглашению Управления железной дороги «для соглашения и установления правил перевозки переселенцев по уменьшенному тарифу» [3, л. 14].

Что касается водного пути, то на запрос Толстого Нижегородская контора Пароходного общества «Кавказ и Меркурий» сообщила, «что было движение переселенцев в настоящем году из Нижнего до Самары, причем с них взималось за проезд плата по 2 р. с взрослого и по 1 р. с ребенка (что составляет половинную плату против обыкновенного тарифа. Перевозились также повозки и лошади» [9, л. 1 об.].

В обязанности сотрудников переселенческой конторы входил также поиск земель в Самарской губернии, на которые можно было бы поместить переселенцев. С этой целью они совершали поездки по округе. Так, в августе в Самарскую губернию ездил Яровой для осмотра земли, предложенной к переселению помещиком Возницким [7, л. 1]. 11 сентября в Николаевском уезде Самарской губернии побывал Толстой, не доехав пятидесяти верст до Уральска. Он увидел, что цивилизация еще не затронула эту местность, где «многие хаты выстроены из того же кизяка, которым жители отапливают их». Увиденное убедило его в непригодности этих земель для переселения: «Бедные крестьяне тут более, чем где-либо в зависимости от неба — есть дождь — есть хлеб, нет его — жри кизяк» [10, с. 12].

У местной сызранской интеллигенции и помещиков были свои теории относительно переселенческой политики. Управляющий отделением Волжско-Камского банка Нагаткин поделился с Толстым своей теорией. «Он находит, что, хотя учреждение контор, в виде центральных пунктов, где бы сосредотачивались все сведения о переселении, и крайне полезно, невозможно возложить на одни конторы собирание этих сведений, полагая, что, если движение мало-мальски увеличится, такое собирание будет совершенно неосуществимо. Он думает, что эту обязанность следовало бы возложить на особых агентов, преимущественно в местах отправления переселенцев, а также их поселения. Он предлагает для этой цели воспользоваться услугами членов общества Красного Креста, которые разбросаны в настоящее время по всей России, причем, по его убеждению (он сам член Общ. Кр. Кр.), они везде с удовольствием возьмутся безвозмездно способствовать доброму делу переселения. Самое способствование он считает необходимым, не боясь слишком большого наплыва сразу, когда все дело будет находиться под контролем не одной конторы, а нескольких сотен, может быть тысяч добровольных агентов. Напротив, учреждение одной конторы, с ассигнованной для помощи суммой, он считает неминуемым поводом к громадному наплыву переселенцев; этому наплыву, по его мнению, контора никакой своей осторожностью и бережливостью не воспрепятствует. Впрочем, насчет громадного увеличения наплыва переселенцев, как только узнают, что есть хоть какая-нибудь помощь, все здесь согласны и не видят средства избежать его. Нагаткин говорил мне, что правительство неминуемо, по его мнению, должно принять на себя дело переселения в тех размерах, которые потребует действительная жизнь. Он на выселении строит собственную теорию урегулирования владения общественной землей, которой думает спасти Россию от всех зол, обрушающихся Запад. Его теория очень остроумна и кажется почти „осуществимой утопией“.

Он совершенно основательно видит в общинном землевладении много хороших, но много и невыгодных условий. В числе вторых первое

место-де занимает необходимость при настоящем положении частых перенаделов. Это, очевидно, не способствует приложению труда крестьянами к улучшению качества земли, так как он никогда не может быть уверен в том, что когда-либо воспользуется этим улучшением. Поэтому земля крестьян остается вечно малопродуктивной, а при приращении народонаселения и само количество земли окажется недостаточным (что уже и теперь во многих местах заметно). Чтоб избежать этих последствий общинного землевладения, он находит один только исход — принудительное выселение. Вот его проект. Для каждой отдельной дачи, состоящей в общинном землевладении, установить нормальное число потребных для ее обработки рабочих рук. Весь излишек должен быть обязательно выселен. Вся земля должна быть разделена между остающимися общинниками, причем каждый надел должен оставаться в постоянном и наследственном пользовании отдельных членов общины. С рождением нового поколения пользоваться наделом имеет право только такое число крестьян, которое первоначально установлено как нормальное для данной поверхности земли. Затем весь излишек обрабатывается в безземельных батраках. Эти батраки могут работать как на общину, так и на стороне, но с тем, чтобы известный % заработка откладывалось в кассу общества в виде страховой премии. Когда сумма премии этак достигнет известных размеров, батраку предоставляется право вытребовать их от общества и приобрести у казны участок земли в указанных правительством местах на праве собственности, причем могут быть образуемы и новые самостоятельные общества...» [2, лл. 12 об.—14 об.].

Сам Толстой считал, что переселения всегда существовали и «были задержаны еще отменой Юрьева дня и доказывают отчасти, что крестьяне наши еще полуномады (т. е. полукочевники. — И. Б.)» [2, л. 28].

В записках И. И. Толстого ярко описаны образы переселенцев и попытки сотрудников переселенческой конторы выполнить возложенное на них поручение и решить на месте переселенческий вопрос. Запись 16 августа 1881 г.: «...Исправник привел к нам 2х переселенцев, возвращающихся обратно; у одного из них украли близ Сызрани лошадь, он не знал, куда деваться. Мы с Яровым поехали выбирать ему лошадь на базаре. Черт знает какие лошади; наконец остановились на одной — просят 45 рублей, мы торговались, как жида; наконец сели в экипаж и объявили, что больше 37 рублей не дадим: уступили. Оба переселенца были измождены до крайности — кожа да кости. Я спросил у другого (солдат Туркестанского батальона), на какие средства он идет; говорит — Христовым именем; мы ему выдали 10 рублей; бросился в ноги. Вечером собрались на гулянье в городском саду (пущен фейерверк и прыгали гимнасты). Только что вышли из гостиницы — нам навстречу 8 подвод с переселенцами (к каждой подводе по 2 лошади, а у иных и 3 привязаны).

Стали расспрашивать; оказались курские; возвращаются из Тобольской губернии; идти домой не хочется. Мы сказали им, что они могут получить от нас землю близко, что мы чиновники от правительства, присланные расспрашивать переселенцев и наделять землею нищих из них. <...> Третьего дня еще прошла партия в 12 повозок, которая, очевидно, ускользнула от нашего внимания» [2, л. 22].

17 августа: «Утром в 9 часов приехал к нам Цимбалин, но переселенцев еще не было; мы послали их разыскивать. Пришло 4 человека. Пока говорили им, что их поселят на отличной земле, что наделят не по ревизским душам, а по наличным, они были очень довольны, но как только я сказал, что им придется выкупать землю и, на их вопрос, чем они будут жить пока, предложил им работать (Цимб. сказал, что работы можно найти много) они стали чесать у себя за затылком, хотя на все и согласились. Решено поселить их в Самарской губ. и послать для обозрения земли Ярового. Они обещались возвратиться к нам через час или два, считав сколько в их отряде наличных душ. По их уходе мы пошли в Управу для получения открытых листов от земства. Пока они писались, побывали на мировом съезде (дела были пустяшные); возвратившись, писали донесения министрам.

Часов в 5th Цимбалин предложил пойти разузнать о переселенцах, которые к нам не возвращались, говоря, что может они убежали от нас; я думал, как он. Ройев смеялся над нами. Придя на базар, узнали, что они часов уже 6 как уехали... Вот-те бабушка!» [2, лл. 23—24].

19 августа: «Утром, как только проснулся, сказали мне, что меня ждет переселенец. Я вышел к нему, оказалось, что очень толковый отставной фельдфебель. Потом пришел Цимбалин и мы пошли с ним вдвоем опросить переселенцев на месте их стоянки: оказались вполне разорившимися — мы помогли 15 рублями (на 13 человек, из которых один ребенок недель 2х, 3х)» [2, л. 25].

21 августа: «Утром приходили латыши просить земли на 50 семейств в Самарской губ. В 11 часов выехали в Батраки. Там провели весь день до 8 часов вечера. Расспрашивали у всех о переселенцах. Вот уже 4 дня ни один не прошел. Ходили на станцию. Там узнали, что в Батраках село свыше 1000 человек взрослых (21 р. 50 к. за семейство с повозкой до Оренбурга). <...> Ошарашил мужик, везший нас на лодке, который рассказал в подтверждение моих слов, что он говорил с тремя переселенцами, проходившими в разное время через Батраки, и оставившими дома — один 100 дес. собственной земли, другие два — по 70 дес.!» [2, лл. 25 об.—26 об.].

На этом описания переселенцев в записках И. И. Толстого заканчиваются, в сентябре он оставил карандашную заметку «4го 3 партии переселенцев» [2, л. 29].

4 сентября 1881 г. И. И. Толстой перестал вести записки, а в конце октября, очевидно, вернулся в Петербург. Расширить представление о деятельности переселенческой конторы и самого

И. И. Толстого позволяют документы и письма, которые он сохранил и которые вместе с записками 1881 г. были переданы его внучкой Л. И. Толстой в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (фонд 781).

О дальнейшей деятельности переселенческой конторы можно узнать из приходно-расходной книги, где имеется запись о получении денег в приход конторы от 1 декабря 1881 г. О том, что контора действовала в начале следующего года, свидетельствует заявления крестьян Черниговской и Полтавской губерний в «переселенческую комиссию», помеченные 10 января 1882 г., с просьбой снабдить их правилами о переселении, «место переселения, почву земли и воды хозяйства, равно известить нас на какой идет подъем переселенцев с места жительства до села Батраков и от сего села к месту поселения, и выдаются или нет на месте поселения пособия для обзаведения и какие именно» [11], «в которой губернии какой надел земли и какое именно будет назначено правительством пособие или льгота при передвижении с настоящего места жительства на вновь указанное, так и по прибытии на оное» [12].

В 1884 г. деятельность переселенческой конторы правительственные круги сочли неэффективной, и вместо конторы на пути следования переселенцев и в районы их водворения было командировано несколько чиновников.

В феврале 1882 г. открылась вторая «сессия» совещания «сведущих людей», где И. И. Толстой был делопроизводителем. Весной 1882 г. «сведущие люди» выработали несколько проектов правил о переселении, которые затем были переданы в МВД. Их дальнейшая судьба оказалась в руках министра внутренних дел Д. А. Толстого. Несмотря на стремление министра решить этот вопрос, делу был дан привычный бюрократический ход. Проект правил о переселении сначала рассматривался в совещании министров в присутствии Александра III, а затем комиссией под председательством В. К. Плеве. Лишь спустя семь лет был утвержден закон 13 июля 1889 г., фактически повторявший весьма умеренные правила 10 июля 1881 г., при этом предложения «сведущих людей» учтены не были.

Деятельность переселенческой конторы в Сызрани наглядно показала остроту переселенческого вопроса и необходимость его решения. При этом силами четырех человек, двое из которых работали на общественных началах, справиться с масштабной задачей не представлялось возможным. В общении сотрудников конторы с переселенцами проявилось желание последних получить от правительства всю возможную помощь и поддержку, но при этом как можно меньше контактировать с его представителями. Крестьяне всеми возможными способами избегали «постановки на учет» и стремились незамеченными перебраться на другой берег Волги. В контору обращались лишь совсем неимущие переселенцы, у которых не было другого выхода.

Неудачный опыт был учтен в следующее царствование, когда П. А. Столыпин по-иному подошел к решению этой задачи, отказавшись от бытовавшего в правительственных верхах во вто-

рой половине XIX в. представления о нецелесообразности предоставления крестьянам дарового надела из фонда казенных земель.

Список источников

1. Барыкина И. Е. Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты). СПб. : Нестор-История, 2018.
2. Толстой И. И. Дневниковые записи. 11—31 августа 1881 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781. Д. 567.
3. Приходно-расходная книга Переселенческой конторы // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781. Д. 26.
4. Правительственный вестник. 1881. № 181. 18 (30) авг.
5. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781. Д. 658.
6. Инструкция Переселенческой конторе // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781. Д. 25.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781. Д. 31.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781. Д. 27.
9. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781. Д. 657.
10. Ананьич Б. В. И. И. Толстой и Петербургское общество накануне революции. СПб. : Лики России, 2007. 175 с.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781. Д. 29.
12. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 781. Д. 30.

References

1. Barykina I.E. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii vtoroi poloviny XIX veka (osobyie formy i spetsial'nye instituty) [Public administration in Russia in the second half of the 19th century (special forms and special institutions)]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018.
2. Tolstoi I.I. Dnevnikovye zapisi. 11—31 avgusta 1881 g. [Diary notes. August 11-31, 1881], *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [The department of manuscripts of the Russian National Library (OR RNB)], coll. 781, fol. 567.
3. Prikhodno-raskhodnaya kniga Pereselencheskoi kontory [Income and expenditure book of the Resettlement Office], *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [The department of manuscripts of the Russian National Library (OR RNB)], coll. 781, fol. 26.
4. *Pravitel'stvennyi vestnik* [Government vestnik (Herald)], 1881, no. 181, 18 (30) avg.
5. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [The department of manuscripts of the Russian National Library (OR RNB)], coll. 781, fol. 658.
6. Instruktsiya Pereselencheskoi kontore [Instructions to the Resettlement Office], *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [The department of manuscripts of the Russian National Library (OR RNB)], coll. 781, fol. 25.
7. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [The department of manuscripts of the Russian National Library (OR RNB)], coll. 781, fol. 31.
8. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [The department of manuscripts of the Russian National Library (OR RNB)], coll. 781, fol. 27.
9. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [The department of manuscripts of the Russian National Library (OR RNB)], coll. 781, fol. 657.
10. Anan'ich B.V. I.I. Tolstoi i Peterburgskoe obshchestvo nakanune revolyutsii [I. I. Tolstoy and St. Petersburg society on the eve of the Revolution]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2007, 175 p.
11. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [The department of manuscripts of the Russian National Library (OR RNB)], coll. 781, fol. 29.
12. *Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (OR RNB)* [The department of manuscripts of the Russian National Library (OR RNB)], coll. 781, fol. 30.

Информация об авторе

Барыкина Инна Евгеньевна — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического и социально-гуманитарного образования ЛОИРО, профессор кафедры гуманитарного образования Выборгского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Выборг, Российская Федерация, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории гуманитарно-аксеологических основ государственной службы, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ibarykina@mail.ru

Information about the author

Inna E. Barykina — Doctor of History Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philological and Socio-Humanitarian Education of LOIRO, Professor of the Department of Humanitarian Education of the Vyborg branch of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Vyborg, Russian Federation, leading researcher of the research laboratory of humanitarian and axiological foundations of public service, Siberian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ibarykina@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 07.05.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 07.05.2023; accepted for publication 22.05.2023.